

Источник:

Шелестюк Е. В. К вопросу о взаимовлиянии социальных институтов и культурных скриптов // Лингвокультура университета : коллективная монография / под ред. С.А. Питиной. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. - С. 37-56.

1.4 К вопросу о взаимовлиянии социальных институтов и культурных скриптов (Е.В. Шелестюк)

Важным аспектом культуры в целом, включая корпоративную культуру организаций, является ее прагматологический аспект. Мы выделяем в этом аспекте дискурсивно-конвенциональную и институциональную (нормативно-процедурную) составляющие. Указанные составляющие определяют действия индивида как части социума в повседневной и институционально-регламентированных сферах жизнедеятельности. В дискурсивно-конвенциональную составляющую мы включаем культурные скрипты, поведенческие стереотипы, традиции и условности, основанные на них ритуалы, церемонии, действия, общекультурные дискурсы, социальные роли и ролевое взаимодействие. Институциональная (нормативно-процедурная) составляющая культуры включает в себя социальные институты (институции), их структуры; процедуры, статусы и роли; нормы, регламенты, уставы и кодексы поведения; правила, этикет, этику и мораль; корпоративные «правила игры», деловой этикет и деловую этику и т.п.

Дискурсивно-конвенциональная составляющая культуры является первичной с точки зрения филогенеза общественных отношений, она аккумулирует поведенческие модели, закрепляет их в виде традиций, конвенций и культурных скриптов и служит фундаментом для их дальнейшей кодификации в виде норм, правил, законов. Нормативно-процедурная составляющая является вторичной, сложившейся на основе традиций, конвенций, культурных скриптов и кодифицированной в качестве норм, правил и законов. Вместе с тем, в онтогенезе индивидуального развития, при социализации субъекта в исторически сложившемся контексте общественных, институциональных и правовых отношений, дискурсивно-конвенциональная

и нормативно-процедурная составляющие развиваются параллельно и взаимодействуют: человек включается в деятельность институтов, общается с другими членами коллектива, и при этом напрямую или опосредованно познает принятые правила и нормы.

В основе формирования специфических культурных черт деятельности и коммуникации внутри социума Анна Вежбицкая видит стандартные национальные «культурные скрипты» («культурные сценарии»), отражающие культурные ценности и идеалы и влияющие на поведение людей [Wierzbicka 2006]. Наиболее полное определение этого феномена встречаем у В.И. Карасика, согласно которому культурный скрипт - это интерактивное событие, характеризующееся признаками стереотипности, сценарности и прескриптивности. Стереотипность скрипта проявляется как поведение по заданному образцу, сценарность - как алгоритмизация коммуникативного события, прескриптивность – как выбор определенных поведенческих ходов в соответствии с ценностями и нормами культуры [Карасик, 2007]. Культурные сценарии порождают соответствующие дискурсы, которые, в свою очередь, связаны с институтами, перерабатывающими нормативно-поведенческие модели, принятые в том или ином обществе, кодифицирующими их и закрепляющими в виде норм. Устоявшись, социальные институты и институциональные дискурсы со своей стороны определяют дискурс и поведение вступающих во взаимоотношения индивидов или организаций. Исходя из приведенных выше понятий, можно предложить следующую схему компонентов культуры как общественной деятельности (в т.ч. корпоративной культуры как частной деятельности на деловых либо профессиональных основаниях). Мы не включили в данную схему экономический компонент, т.к. он не составляет предмета нашего исследования.

Таблица 1. Компоненты культуры в целом и корпоративной культуры в частности

	Компоненты / формы	Концептуальный	Ценностно-символический	Дискурсивно-конвенционный	Нормативно-процедурный и институциональный
--	--------------------	----------------	-------------------------	---------------------------	--

Культура в целом	Идеальные формы	Концепты, понятия, фреймы и т.п., картина мира, мировоззрение	Ценности, идеалы, символы	Культурные скрипты, поведенческие стереотипы, традиции и условности, Традиции, условности, культурные скрипты, поведенческие стереотипы	Кодифицированные нормы, процедуры, регламенты и правила, этикет, этика и мораль
	Материальные формы	Языковая картина мира, смысловые поля в текстах, опредмеченное мировоззрение в произведениях литературы, искусства, философских трудах и т.п.	Вторичные символические системы, системы ценностей в произведениях литературы и искусства, философских трудах и т.п.	Общекультурные дискурсы, ритуалы, церемонии, действия; общепринятое поведение, неформальные социальные роли	Социальные институты (институции), институциональные уставы и кодексы поведения, институциональные процедуры, статусы и роли
Корпоративная культура	Идеальные формы	Деловые и профессиональные понятия	Корпоративные ценности, идеалы, символы	Деловые отношения, иерархия, субординация	Правила, деловой этикет и деловая этика, корпоративные процедуры
	Материальные формы	Цели, планы, стратегии и тактики	Миссии	Корпоративные дискурсы, ритуалы, ролевое взаимодействие	Корпоративные формы, корпоративные процедуры, уставы и кодексы поведения

В европейских языках понятие “institution” является широкозначным и вмещает признаки, закрепленные в русском языке разными словами, ср. англ. *institution* – рус. «установление; введение; общество; организация; учебное заведение; ведомство; облечение духовной властью; орден (монашеский); закон; учреждение; благотворительное учреждение; детское учреждение; институт (учреждение); лечебное учреждение; научное учреждение; порядок; система; учреждение (действие)». Понимание этого термина также разнообразно; насчитывается более 20 его определений, акцентирующих разные семантические и денотативные признаки [Марат 2008]. Приведем определение из американского словаря Мерриам-Уэбстер: институт

(институция) - распространенная практика, отношения или организация в обществе или культуре; нечто, прочно ассоциирующееся с определенным местом; укоренившаяся структура, учреждение или сообщество, особенно общественного характера (например, банк или университет) [Merriam-Webster's Learner's Dictionary]. Несмотря на несколько размытое понимание, западная социология считает институт фундаментальным понятием. В отечественном социологическом дискурсе термины «институция», «социальный институт» ранее имели ограниченное хождение, но в современном российском социологическом дискурсе они распространены. Однако определение этого термина не до конца прояснено, неясно соотношение между понятием «социальные институты» и рядом других понятий, в т.ч. «ячейки общества», «социальные образования», «социальные системы», «социальные организации», «формы и сферы общественной деятельности», «социальные механизмы».

Типологии социальных институтов могут варьироваться, но обычно выделяются такие естественно возникающие типы, как институты семьи и брака; политические институты; экономические институты; институты образования и культуры; институты религии; правовые институты и ряд других. Например, социальными институтами называются семья, собственность, торговля, образование и т. п. [Соколов 2010], т. о. объединяются достаточно разные явления. Вместе с тем, понятия «институт» versus «социальная ячейка», «форма общественной деятельности», «сфера общественной деятельности», «социальный механизм» и др. отличны, и отличие это связано с тем, что теоретики институциональной социологии в большей степени, чем сами явления, акцентируют *особые исторически сложившиеся структуры и механизмы* деятельности, поведения и взаимодействия акторов внутри указанных общественных ячеек, форм и сфер, а также механизмы их регулирования.

В том же смысле понятие социального института трактуется вышедшей в последнее время на передний план институциональной экономикой (Д. Норт,

Д. Аджемоглу, У. Истерли, Р. Левайн и др.), которая проводит тезис о зависимости экономической успешности или неуспешности общества от сложившихся институций. Так, по заключению У. Истерли и Р. Левайна, географическая широта, производимые сельскохозяйственные культуры и добываемые минералы, традиции и наследие (наличие выхода к морю, этническое многообразие, религия, происхождение системы права) в меньшей степени влияют на экономическое развитие страны, чем сложившиеся институты [Easterly, Levine 2003].

Вместе с тем, социальные институты во многом определяются объективными условиями, прежде всего, природно-климатическими. Закономерные соответствия между природно-климатическими условиями и институтами, несомненно, имеются: плодородные почвы – плантации – рабство, сезонные работники; неплодородные почвы – отдельные участки земли – фермерство, хуторское сельхозпроизводство; благоприятный климат в колониях – селтлерство колонизаторов и вытеснение (уничтожение) коренных народов; неблагоприятный климат – выкачивание ресурсов из колоний. (В России сочетание суровых природно-климатических условий, обширных пространств и нечетких границ между метрополией и колониями обусловили преобладание общинного (коллективного) хозяйства, наличие сильной централизованной власти и дотирование окраин из центра.)

Сложившись, институты меняются медленно, в результате, по мнению институциональных экономистов, неудачные или отсталые институты способны затормозить прогресс. Вместе с тем, институты «не столь устойчивы к реформированию, как география». Поэтому переход от плохих социальных институтов к «качественным», с этой точки зрения - вполне реальная задача для экономик развивающихся стран. Следует отметить, что исследователи называют качественными либеральные институты, которые англосаксонские страны оставили в своих бывших колониях (вероятно, во многом сохранив за счет этих институтов неокOLONIAЛЬНОЕ влияние): защита права частной собственности от посягательств государства; свобода от государственного

регулирования; «правовое государство», предполагающее выработку механизмов защиты прав и свобод индивида; сильный средний класс, эффективность государственного управления (без реальной мощной власти). Упомянутые институты противопоставляются институтам, оставленным иберийской моделью колониального управления, в качестве каковых называются ограниченное избирательное право, ограниченное распределение государственных земель и права пользования недрами, низкий уровень доступа к школьному образованию и др.

Подробный обзор экономических и социологических концепций социальных институтов произвел С. Кугонза в своей диссертации, посвященной влиянию формальных и неформальных институтов на аутсорсинг проектов общественного строительства в Уганде [Kugonza 2009]. Мы воспользовались материалом его диссертации для краткого описания концепций социальных институтов, их основных свойств и характеристик.

Сторонники теории игр рассматривают социальные институты как сами организации и кодексы поведения, или «правила игры», вырабатываемые организациями, которые служат для определенной социальной практики, назначают роли (статусы) участникам этой практики и направляют взаимодействие между ними. Так, Д. Норт [2005] понимает институты как правила игры, налагающие искусственные ограничения на поведение людей, в совокупности с организациями, представляющими эти социальные институты. В качестве игроков в игре можно рассматривать и индивидов, и сами организации. Ряд авторов трактует социальный институт функционально - как совокупность правил игры и сами организации, действующие совместно в целях координации человеческого поведения [World Bank 2003: 38, Coriat и Dosi, 2002]. Ряд авторов полагает, что институты в большей степени представляют собой кодексы поведения, которые служат для определения некой социальной практики, назначения ролей участникам этой практики и направления взаимодействия между носителями определенных ролей [Williamson 1996, Poel 2005]. Институции как набор правил организации и

социальных норм способствуют координированию человеческого поведения, причем с помощью как негативных, так и позитивных стимулов [World Bank 2003]. Согласно А. Грифу, институция - это система правил, убеждений, норм и организационных структур, которые порождают нормативность социального поведения [Grief 2006].

М. Аоки, анализируя концепцию Д. Норта об игровой природе социальных институтов, отмечает, что актерам (агентам, актантам, игрокам) важно знать роли, правила (что могут и что не могут делать игроки), какие комбинации ходов добавляют игрокам то или иное количество очков. Искусственно установленные (enforced) правила фактически означают конструирование института, причем способы, которыми устанавливаются правила, являются фундаментальными для институциональной организации (ways in which the rules are enforced constitute ...important pillar of institutional arrangements) [Aoki 2008: 6]. Аоки разграничивает игроков и тех, кто устанавливает правила игры, признавая, однако, что структура, деятельность и стимулирование внутри политических, экономических и социальных организаций могут быть конвенционализированы в организационном смысле, то есть приведены к стандартным условиям и схемам и доведены до автоматизма (например, могут быть отрегулированы связи разных видов деятельности внутри организации, система стимулирования определенного поведения и взаимодействия участников между собой). Это значит, что институциональные организации являются игроками и одновременно устанавливают правила игры.

Выделяются формальные институты, в которых нормы, правила и санкции вырабатывают организации и учреждения, и неформальные институты, сложившиеся из традиционных норм поведения и норм поведения, интериоризированных сознанием носителей культуры. В нижеследующей таблице отражены основные отличия между формальными и неформальными институтами.

Таблица 2. Формальные и неформальные институты [Kugonza 2009]

Атрибуты	Формальные институты	Неформальные институты
Кодификация Формирование Правоприменение Власть Персонализация	Эксплицитная Экзогенное Строгое Иерархическая Обезличенные	Имплицитная Эндогенное Вялое Горизонтальная Персонализированные
Примеры сильных	Закон и власть Основанная на кодексе правовая система Авторитарный контроль Прецедентная правовая система Демократический контроль	Рынок и делегирование полномочий Регулируемое ценообразование Свободное ценообразование
Примеры слабых	Личное доверие и дружба Эмоциональные доверие Когнитивное доверие	Культура и этика Общие ценности клана Давление со стороны равных

Согласно Б. Кориату и Г. Доси, институты включают в себя а) формальные организации: фирмы, технические сообщества, профсоюзы, университеты, государственные органы; б) коллективно практикуемые модели поведения (от рутинных практик до социальных конвенций и этических кодов) и с) негативные нормы и ограничения (от моральных предписаний до формальных законов) [Coriat and Dosi 2002].

Количество параметров, по которым может оцениваться социальный институт, варьируется. Трехмерную модель социального института предлагает У.Р. Скотт, который считает, что в основе социальных институтов лежат когнитивные, нормативные и регулятивные структуры и виды деятельности [Scott 1995: 35]. М. ван Хис выделяет следующие параметры социального института: структурный, процессуальный и поведенческий [Van

Nees 1997]. В двухмерной модели «структура – процесс» поведенческий параметр трансформируется в результирующие переменные, зависящие от структурного и процедурно-процессуального параметров. В таком понимании, в соответствии с традицией Торстейна Веблена и Дж.Р. Коммонса, институты предстают как особый тип социальной структуры с потенциалом для изменения агентов, их целей, предпочтений и следовательно – с потенциалом формирования определенного поведения. В свете теории игр в параметры институтов могут включаться также правила игры и игроки (роли). Результирующей же всей совокупности параметров института является поведение акторов [Kugonza 2009]. Анализ института может учитывать и большее число параметров, например, ряд авторов включает, помимо структурного, процессуального и поведенческого, четвертое, «компонентное» измерение институтов [Afsarmanesh, Matos 2007]. Многомерное представление может быть полезным при операционализации понятия института, так, оно используется в бизнес-анализе [Leaptrott 2005], для регулирования социального поведения в рамках институтов в соответствии с тем «пакетом функций» (термин С. Огилви [Ogilvie 2007]), которые несет с собой определенный социальный институт.

Социальные институты разрабатываются намеренно или формируются естественным путем в качестве механизмов для уменьшения неопределенности. Они возникают по причине «ограниченной рациональности» людей и возможности конъюнктурного («оппортунистического») поведения участников коммуникации [Hodgson 1998]. Государственные законы и правила направлены на борьбу с «оппортунизмом» - в смысле конъюнктурного, ненадежного поведения - как в ожидаемых экономических сделках, так и по факту их совершения (экс-анте и экс-пост). Вместе с тем, неформальные институты формируются вне поля зрения государства и редко бывают кодифицированы. Как правило, они взаимодействуют с формальными институтами с непредсказуемыми результатами. Взаимодействие между формальным и неформальным

институтами опосредуется расчетом, который трудно произвести, поскольку они предполагают различные затраты и выгоды.

Механизмы, сокращающие неопределенность во взаимодействии участников политических, экономических и социальных отношений и способствующие координации человеческой деятельности, включают принуждение к соблюдению правил. Принуждение, сопровождаемое эффективными санкциями – отличительный признак социальных институтов, как формальных, так и неформальных. Институт устанавливает определенные законы, правила и нормы, определяющие поведение людей. Отсутствие законов (норм, правил) или их игнорирование свидетельствует об отсутствии института. При этом институт может существовать, если люди разделяют сходные убеждения и моральное отношение к тем или иным явлениям и поступкам [Hogson, 2006: 4], которые и обеспечивают исполнение правил и норм поведения. Соблюдение правил, налагаемых институтом, является нормой, несоблюдение же их влечет наложение клейма эксцентричности, антиобщественного поведения или даже расценивается как преступление [там же: 3]. Таким образом, знание о существовании правил игры и наличии соответствующих учреждений само по себе автоматически не сигнализирует о существовании института, если нет эффективного механизма по обеспечению соблюдения правил. В случае, если такие правила имеются, любой рациональный актер будет вынужден взвесить последствия их нарушения [Kugonza 2009: 40]. При этом ошибки поведения людей, включенных в деятельность в рамках социального института, возможны, в том числе из-за неполноты информации, но актеры ожидают, что нарушение норм повлечет за собой санкции и стараются следовать общей канве предписываемого поведения. Итак, институт неизбежно накладывает ограничения на действующих внутри него людей.

Таблица 3. Ограничивающие условия, налагаемые социальными институтами [Kugonza 2009]

Параметр	Источники ограничивающих условий	Влияние ограничивающих условий
Структурный	<ul style="list-style-type: none"> • организация, правовая система; • мнение авторитетных лиц; • приписываемые социальные роли и ожидания от этих ролей; • общественные каналы связи; • потенциал для обработки и использования информации; 	<ul style="list-style-type: none"> • включение в/исключение из структуры; • стратегии, доступные для участников; • формирование личных предпочтений; • распределение власти;
Процедурный	<ul style="list-style-type: none"> • методы; • механизмы принятия решения; • механизмы, влияющие на доступ к информации; • взаимоотношения органов, принимающих решения; • санкции за нарушение ограничений; 	<ul style="list-style-type: none"> • принятие решений (большинством голосов, внутри комитета методом консенсуса и т.д.) • процедура подачи запроса (кто подает и кому);
Поведенческий	<ul style="list-style-type: none"> • общепринятые нормы (традиции, условности) – поведенческие модели, которые возникают самопроизвольно во взаимодействии акторов; • исключение случайных побочных действий. 	<ul style="list-style-type: none"> • совершение сделок по конвенциональному образцу, с использованием стандартных стратегий; • минимизация стоимости сделки и оптимизация выгод (социальный капитал); • когнитивное управление поведением акторов путем формирования социальной идентичности.

Примеры структурных ограничений: в организациях в организациях и корпорациях (формальных институтах) – иерархия менеджмента, устав, роли, соответствующие должностям акторов. В неформальных институтах - давление со стороны сверстников, мнение семьи, учителей, друзей,

священников, общепринятые образцы для подражания, социальные роли и другие факторы, влияющие на мышление и оценку действий индивида.

Говоря о ролях, нельзя не отметить, что зачастую неформальная роль, которую общество приписывает личности, особенно такие важные роли, как кормилец, клановый лидер, лидер группы, может противоречить роли, соответствующей той должности, которую лицо занимает в рамках формального института. Роли влекут за собой ожидание от индивида определенного поведения. Лидер клана или неформальной группы, вступая в публичную должность, вынужден балансировать между нормативными влияниями государственной службы и своего сообщества. Часто к тому времени, когда лидер сообщества приходит на государственную должность и берет на себя соответствующую роль, его внутриклановая роль, которая формировалась в течение многих лет во взаимодействии с другими членами клана, уже имеет богатую историю [Kugonza 2009]. Занимающее общественный пост лицо должно соответствовать ожиданиям для этой роли, такого рода нормативные влияния также являются частью структурных ограничений. Но хотя субъекты ограничены текущими общественными отношениями в социальной структуре и, следовательно, не должны восприниматься как независимые акторы [Granovetter 1985: 212], они сохраняют свое человеческое участие в причинении результата (человеческий фактор), способны действовать намеренно и осуществлять выбор.

По мнению С. Кугонза, два основных типа ограничений, обусловленных структурой института - ограничения в отношении автономии отдельной организации и ее деятельности и ограничения в отношении выбора действий отдельных акторов [Kugonza 2009]. Организационная автономия формально понимается как нераспространение ограничений на использование организацией директивных полномочий [Verhest 2004: 104]. Однако акторы (лица, организации) социально встроены в межорганизационные и межличностные сети. И если организация с формальной автономией в теории имеет неограниченную свободу принимать решения о выборе и использовании

ресурсов, финансов, кадров и проч., на практике автономия может проявляться в ограниченном масштабе из-за социальной встроенности ее акторов. Ограничение автономии также связано с тем, кто именно назначает руководителей, совет директоров, оценивает достижения, дает поощрения и т.п., с источником финансирования и с тем, как отчисляются средства [Granovetter 1985; Hulman 2004]. Оно может возникнуть из-за отсутствия внутренней сплоченности или доверия [Jessop 2008].

Ограничения, которые затрагивают отдельных лиц, участвующих в процессе принятия решений, касаются используемых ими стратегий, а также их выбора и предпочтений. Социальная структура любого института формирует поведение своих акторов, информируя их об институциональных нормах [Maclean 2008]. Имеется широкий спектр таких ограничений, включая физические ограничения, ограничения, обусловленные правом / законодательством, моралью, особенностями социализации и другими факторами [van Hees, 1997]. Рациональность индивида трансформируется социальными и материальными контекстами, в которые он включен. Его мысли и действия структурно обусловлены, и, по мнению М. Грановеттера [1985: 212], воспринимать их как независимые будет ошибкой.

Процессуальные ограничения связаны с функционированием институтов, их процедурами, включая ритуалы, методы и операциональные механизмы (в т.ч. протоколы принятия решений и санкции за нарушения). Процедуры оказывают большое влияние на поведение акторов, они систематически преобразуют шаги, предпринимаемые людьми, в конкретные результаты. Это может относиться к механизмам, с помощью которых происходит принятие решений в рамках комитетов (большинство голосов, консенсус, решающий голос председателя), к механизмам взаимосвязи комитетов (например, рассматриваются ли представления в отделах или доводятся до субъекта напрямую, минуя посредников). Процедуры также включают в себя порядок финансирования и подотчетность [Verhest и др., 2004].

Поведенческие ограничения. Как совокупность структурных и процедурных закономерностей, правил и ограничений, институты подразумевают заданные поведенческие стратегии или «предписываемые модели согласованного поведения» [Foster, 1981: 908]. Однако простые этикетные поведенческие нормы и правила (например, поведение в общественном месте обслуживающего и культурного характера, в т.ч. магазин, ресторан, театр и т.п.) и многие поведенческие закономерности (например, в быту) не свидетельствуют о наличии института. Институт должен иметь механизм поощрения и санкций за лояльное либо нелояльное поведение, причем через наделенных специальными полномочиями третьих лиц. Девиантное поведение, нарушающее нормы этикета или повседневного бытового взаимодействия между людьми, может возбудить недовольство или даже возмущение, но не повлечет санкции, исходящие от наделенных полномочиями третьих лиц. Например, неснятия верхней одежды в культурно-развлекательном учреждении может быть расценено как нарушение этикетной нормы, а неснятия шляпы при входе в церковь или обуви при входе в мечеть может быть расценено как оскорбление института, поскольку люди имеют определенные убеждения и отношение к релевантным предметам и явлениям и знают, что несоблюдение норм и правил должно повлечь за собой санкции.

Регулярную модель человеческой деятельности (поведения) можно объяснить с точки зрения действующих в социальном институте стимулов / антистимулов и того, как люди их интерпретируют. Единообразная интерпретация, наряду с аналогичными ментальными моделями (мыслями, знаниями), как правило, порождает сходные действия / поведение [Denzan и North, 1994; Stein, 1997]. Такие знания или мысли являются производной от социальной структуры, процедур (процессов) и других параметров институтов. Институты позволяют упорядочить мысли, ожидания и реакции людей, придавая оформленность их деятельности и создавая привычки [Hodgson 2006: 2], хотя и не детерминирующим образом. Целенаправленная

деятельность человека предполагает существование институциональной структуры, и в то же время социальные структуры воспроизводятся и / или преобразуются через действия действующих субъектов, таким образом, структурный, процедурный и другие компоненты институтов, а также поведение / деятельность субъектов этих институтов взаимно конституируют друг друга.

С. Кугонза определяет параметры оценки институтов и социального капитала для более глубокого анализа их влияния на поведение и действия акторов в конкретном контексте - аутсорсинге в государственном секторе строительных проектов. Его главный аргумент заключается в том, что как институты, так и социальный капитал имеют значение в жизнедеятельности людей, поскольку человеческое взаимодействие разворачивается в конкретной системе отношений той или иной социальной структуры.

Согласно С. Кугонза, акторы, задействованные одновременно и в формальных, и в неформальных институтах, будут заниматься форум-шоппингом (forum shopping), т.е. выбором выгодной инстанции между ними, предпочитая такое их сочетание, которое приведет к максимальной чистой прибыли. Однако эта прибыль, равно как и издержки, не будет сугубо материальной, помимо материальных затрат и выгод она будет включать «социальный капитал», включающий в себя выгоды в будущем, связи, деловую репутацию, взаимопомощь и т.д. [Dasgupta, Seraeldin 2000]. К тому же, как отмечает С. Кугонза, рациональность акторов, действующих в переплетении формальных и неформальных институтов, будет множественной, или коллективной. А «множественная рациональность» субъектов отношений в определении полезности сделки будет исходить и из материальных, и из социальных издержек и выгод [Kugonza 2009].

Перейдем непосредственно к вопросу взаимодействия социальных институтов и национальных культурных скриптов в процессе институционализации и, в частности, искусственной (привнесенной) институционализации. Как указывалось выше, институты постоянно

развиваются, естественная институционализация происходит на основе таких явлений как: типизация привычных действий достаточно большой группы людей (при том, что деятельность совершалась в течение длительного времени) [Бергман, Лукман 1995], выделение и закрепление институциональных ролей, формализация, закрепление организационной структуры, формирование процедурных норм.

Существует также искусственная институционализация, привносимая извне или преднамеренно выстраиваемая по некой проектной модели. Современное положение, связанное с социальными институтами отдельных государств, демонстрирует вмешательство социального проектирования в неолиберальном ключе. Так, очевидно, что национальные культуры в настоящее время находятся в большой степени под концептуальным управлением доминирующих культур и экономик, а также международных организаций, которые учреждают свои институты в институциональной структуре национального государства, вытесняя национальные институты и внедряя собственные дискурсивные и нормативно-процедурные практики. Эти институты и практики основаны преимущественно на англосаксонских моделях организации управления, общественно-политической жизни, бизнеса, образования, массового информирования и проч., в т.ч. в бывших колониях (в них часто опробовались элементы неолиберальной модели). Таким образом, в настоящее время англосаксонская институциональная культура влияет на институты национальных государств мира. В качестве примеров можно привести:

- институт частной собственности (которому, по англосаксонской традиции, придается гипертрофированная важность; этот институт также предполагает ограничение роли государства в экономической и социальной жизни общества);

- институт прав и свобод человека (происходящий из «священного права частной собственности» и трактуемый как «права человека, которые могут

оказаться заявленными наперекор правительству и идут во благо именно человеку как частному лицу» [Coleman, 1989]);

- институт осуществления политической власти через партийных представителей в органах государственной власти и местного самоуправления вместо, скажем, управления через земства или советы;

- институт выборов со всеми сопутствующими практиками (политтехнологии и пиаркампании, объективная зависимость от вложенных кандидатом и в пользу кандидата многомиллионных денежных средств);

- институт парламента, процедура голосования по принятию / отклонению законов (обычно с заранее известным результатом);

- практика лоббизма;

- практика разработки законов при прямой консультации западных организаций аудита, корпоративного управления, консалтинга и юридических услуг, как то в России: KPMG, Deloitte & Touch, Pricewaterhouse Coopers, Oliver Wyman Group и др.;

- институт «свободного (открытого) рынка», предполагающий консервацию постколониального неравенства и потому выгодный бывшим колониальным странам;

- институт МВФ и национальных Центральные банки, независимых от государств, но зависящих от МВФ и, в конечном счете, ФРС США [Чувахина 2014];

- Болонская система в образовании;

- страховая и платная медицина и т.д.

Возвышая институт частной собственности, а также индивидуальные свободы и права, англосаксонская либеральная культура релятивизирует традиционный институт морали, но взамен разрабатывает институты прецедентного права и политической власти. Общее прецедентное право определяется как единая система прецедентов, которая наряду с правом справедливости сложилась на основе местных обычаев и практики королевских судов. Прецедентное право как правовой институт означает, что

судебные решения принимаются не на основе законодательства либо конституционного права, но на основе решения судей с учетом прецедентов. Прецедентное право, наряду со сложной и постоянно видоизменяющейся структурой власти, особенно свойственно британской социальной жизнедеятельности, характеризующейся протекавшим в течение столетий противостоянием олигархических групп с монаршей властью и стабилизирующими долгосрочными компромиссами между ними. При постоянном развитии и накоплении прецедентов, институт прецедентного права фактически призван ограничить и заменить традиционные институты (помимо морали - церкви и идеологии, а также закона и государственной власти в их континентальном понимании).

При этом, «проникнув, как вирус, в социальную и идейно-политическую ткань неанглосаксонских обществ, либерализм немедленно начинает работать в пользу «источника происхождения», поскольку именно Англия, а затем США были самопровозглашены образцом, моделью либерализма, институты которых надо было заимствовать, имитировать и т.д. Всё это называлось модернизацией и сама оценка развития всех обществ вне либерального англосаксонского ядра мировой системы стала зависеть от того, насколько успешно они имитируют/имплантируют англосаксонские, но объявленные универсальными, теорию и практику, принципы и ценности» [Фурсов 2016].

Если говорить об прецедентном праве, то качестве института оно оформилось в Соединенном королевстве и было распространено на англоговорящий мир (бывшие страны-колонии), задав основы определенного дискурса, норм и процедур и там. Общее право распространилось и в тех странах, в которых в целом сильны национальные традиции (например, в Индии, Пакистане, Малайзии, Ирландии), там оно чаще используется как дополнение к конституционному и гражданскому праву. На сегодняшний день одна треть населения мира проживает в странах общего права или в системах, смешанных с гражданским законодательством.

Заметим, что либеральное требование прецедентного права и независимых судов, как правило, раздается в отношении развивающихся стран и стран третьего мира. В самой же Великобритании, несмотря на функционирование прецедентного права, на него накладываются жесткие консервативные ограничения. Например, если решение по делу не было вынесено Палатой лордов или Апелляционным судом, оно не является обязательным прецедентом, и его юридическая сила подвергается сомнению. В английском праве много дел, которые не имеют обязательной силы, поскольку не были подтверждены высшей судебной инстанцией Великобритании.

В конце XX – начале XXI в. и международное право взяло немало элементов (и формулировок) из британского законодательства. Как рассуждает А. Вежбицкая, глобальная коммуникация в области науки, международного права, торговли, бизнеса, авиации и многих других областях требует доступной для всех языковой среды, общей по форме и содержанию. *И в настоящее время именно ключевые англосаксонские концепты, включающие, по мнению А. Вежбицкой, такие как 'fair', 'reasonable', 'evidence', 'impartial', 'bias', 'commitment', 'compromise', 'opportunity', 'efficiency', 'presumably' и 'alleged', относятся к числу языковых средств, которые создают и определяют «мировое англоязычное дискурсивное сообщество в широком диапазоне областей» [Wierzbicka 2006: 16].*

Что касается международного права, то, во-первых, тот факт, что оно написано прежде всего на английском языке с использованием британской и американской терминологии и понятий, не могло не повлиять на его содержание и смысл. Во-вторых, влияние британского права и огромное население стран – бывших британских колоний обуславливает весомость и стремление его копировать. Думается, не случайно, что такой суд, как Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) характеризует собственную практику как прецедентную. В-третьих, немалую роль играют технологии легитимизации англосаксонских институтов в глазах мировой

общественности (о легитимизации социальных институтов см. [Ромашова 2013]).

Однако англосаксонское право остается культурно маркированным. Оно отражает англоязычный культурный скрипт и идеал «процедурной моральности» (термин А. Вежбицкой), предполагающий формально правильное исполнение всех предписанных правил и положений, а не руководство априорными моральными императивами. Само британское право А. Вежбицкая характеризует как «процедурное». По Вежбицкой, между равноправными субъектами отношений по англосаксонскому праву должно действовать правило: «Преследуйте свои собственные интересы до тех пор, пока вы никому не вредите» (Do your own thing as long as you don't hurt anyone) [Wierzbicka 2006: 80]. Заметим, что этот скрипт отличен от православного и католического культурных скриптов, которые канонически предписывают и запрещают поведение определенного рода.

Специфика англосаксонских концептов (и лежащих в их основе культурных скриптов) и их несовпадение с концептами и культурными скриптами других культурных сообществ проявляются и в терминах и формулировках международных документов. А. Вежбицкая приводит в качестве примера формулировку из статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, который был принят Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году и вступил в силу в 1976 году: “Everyone shall be entitled to a fair and public hearing by a competent, independent and impartial tribunal established by law” («Каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»). Вежбицкая сравнивает переводы этой статьи с английского на другие языки и обращает внимание на разное содержание английского понятия ‘fair’ – «честный»¹, которое отражает англосаксонский культурный скрипт процедурной правильности, и его коррелятов в других

¹ Другими значениями слова fair, в той или иной степени составляющими признаки соответствующего концепта, являются: *справедливый; беспристрастный; законный; достаточный; посредственный; белокурый; светлый; чистый; незапятнанный; благоприятный; ясный; учтивый; красивый.*

языках. Так, фр. *equitablement* - “even-handedly, equitably” акцентирует равноправие и равенство; исп. *con las debidas garantías* означает «при надлежащих гарантиях»; рус. *справедливо* и нем. *gerechtes* в большей степени соответствуют значениям «правильный, праведный» [Wierzbicka 2006: 303] и отсылают не к процедуре, но к результату судебного процесса.

Заметим, что в старославянском языке слово *право* (основа слова *справедливость*) служило для передачи греческих *εὐθύτης, δικαιοσύνη* и было синонимом слов *правда, правость, правота*. (В немецком *Recht* прослеживается калька с латинского, ср. лат. *jus — justus — justitia*.) Древнейшее значение славянской основы *pr-wo- прослеживается в [Watkins 2000]: Slavic *naprapathy*, from Old Church Slavonic *prav*, *true*. Вероятно, это значение преобладало в старославянском языке. А в актовых памятниках XIV—XV вв. акад. И.И. Срезневским уже отмечены такие значения слова *право*, как «законы, право» и «свобода действия, власть». И. В. Киреевский в своей заметке «В ответ А. С. Хомякову» писал, развивая славянофильские воззрения на общинное начало и власть обычая в строе древнерусского общества: «Никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые *права* и преимущества. Даже самое слово: *право* было у нас неизвестно в Западном его смысле, но означало только справедливость, правду. Потому никакая власть, никакому лицу, ни сословию не могла ни даровать, ни уступить никакого *права*, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни браться, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений. На Западе, напротив того, все отношения общественные основаны на условии, или стремятся достигнуть этого искусственного основания» (цит. по [Виноградов 1999]).

В качестве вывода констатируем, что привнесенные извне и основанные на иных исторических контекстах институциональные нормы зачастую содержат в себе инокультурные скрипты, противоречащие содержанию национальных скриптов, и потому неправильно понимаемые. Культурные скрипты консервативны, и новые социальные институты, выработанные доминантной

культурой с иной картиной мира и ценностями и внедряемые ее агентами внутри принимающей культуры, вызывают сопротивление, отторгаются как нечто чужеродное и навязанное. Таковым длительное время в России после 1991 г. был (и отчасти остается) институт частной собственности на средства производства, подаваемый сторонниками неолиберализма как самоценность, без какой-либо привязки к цели общественного блага и понятию социальной ответственности.

С точки зрения международных институтов, идеалом представляется ситуация равноправного международного диалога по их усовершенствованию, тщательный историко-герменевтический и синхронический анализ соответствующих национальных институтов, когнитивная селекция тех или иных институциональных принципов, норм и процедур и их внедрение в ткань международного института с целью достижения в нем оптимального соотношения легитимности, законности и эффективности.

Список литературы:

Бергман П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. М.: «Медиум», 1995. 324 с.

Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка РАН, 1999.

Карасик В.И. Языковые ключи / В. И. Карасик // Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

Марат И.К. Трактовка понятия «социальный институт» в классической и современной социологии // Актуальные вопросы современной науки. Номер: 3 Новосибирск, 2008. С. 266-272.

Ромашова И.П. Легитимность как когнитивно-прагматическая дискурсивная категория // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 128–130.

Соколов С.В. Основы социологии. М.: Изд-во РГГУ, 2010. 176 с.

Фурсов А.А. Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М.: Книжный мир, 2016. 512 с.

Чувахина Л.Г. Международный валютный фонд как инструмент политики США // Известия ТулГУ. Тула, 2014, Выпуск 4. Часть 1. С. 281-289.

Afsarmanesh, H.; Camarinha-Matos, L.M. (2007) Towards a semi-typology for virtual organization breeding environments, In Proceedings of COA 2007 – 8th IFAC Symposium on Cost Oriented Affordable Automation Systems, Ciudad de la Habana, Cuba, Feb 12 – 14, 2007.

Aoki, M. (2001) Towards a Comparative Institutional Analysis. MIT.

Aoki, M. (2008) Understanding Douglass North in game Theoretical Language. A contribution to the D.C. North's Volume 'Understanding the Process of Economic Change' // Structured Change and Dynamics. Elsevier.

Coleman, Doriane Lambelet (1989) The contradiction between Soviet and American human rights doctrine: reconciliation through Perestroika and pragmatism // Boston University International Law Journal. 61-83.

Coriat, B., Dosi, G. (2002) The institutional embeddedness of economic change: an appraisal of the 'evolutionary' and 'regulationist' research programmes // A Modern Reader in Institutional and Evolutionary Economics, Key Concepts. European Association for Evolutionary Political Economy. Edward Elgar, Cheltenham, UK.

Dasgupta, P. и Seraeldin, I. (eds) (2000) Social Capital: A Multifaceted Perspective. The World Bank, Washington, D.C.

Denzan, A.T., North, D.C. (1994), Shared mental models: ideologies and institutions. Kyklos, Vol. 47 No.1, pp. 3-31.

Easterly, W., Levine, R. (2003) Tropic, Germs and Crops: How Endowments Influence Economic Development. Journal of Monetary Economics 50. Pp. 3–39.

Granovetter, M. (1985) Economic Action and Social Structure: The problem of embeddedness. The American Journal of Sociology, Vol. 91 (3) 481-510.

Grief, A. (2006) Institutions and the path to modern economy. Cambridge University Press.

Hees, M. v. (1997). Explaining institutions: A defence of reductionism. *European Journal of Political Research*. 32(5), 51-69.

Hodgson, G. M. (2006) What is an Institution? *Journal of Economic Issues*. Vol. XL No. 1, pp. 2-4.

Hodgson, G.M. (1998) The Approaches of Intuition Economics // *Journal of Economics and Theoretical Economics* 15 (3): 166-192.

Kugonza, S. (2009) Influence of formal and informal institutions on outsourcing public construction projects in Uganda. A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy. Available at http://etheses.bham.ac.uk/1045/3/Kugonza_10_PhD.pdf

Leaptrott, J. (2005) An Institutional theory View of the Family Business. *Family Business Review*, Vol. XVIII, no 3 September.

North, D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

North, D.C. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*, Princeton University Press.

Ogilvie, S. (2007) ‘Whatever is right’? Economic institutions pre-industrial Europe. *Economic History Review*, Vol. 60 (4) 649-684.

Poel, P.E.F. (2005) *Informal Institutions, transaction Costs and Trust: A case Study on housing construction by migrants in Ashanti Mampong, Ghana*. Master thesis, IDS., University of Amsterdam.

Scott, W.R. (1995) *Institutions and Organizations*. London. Sage Publications.

Stein, J. (1997) How Institutions Learn: A Socio-cognitive perspective. *Journal of Economics Issues*, Vol. 31 (3) 729.

Verhoest, K. et al (2004) The Study of Organisational Autonomy: A Conceptual Review. *Public Administration and Management*, Vol. 24 101-118.

Watkins, Calvert (2000) *The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots*. Houghton Mifflin Harcourt.

Wierzbicka, A. (2006) *English: Meaning and Culture*. Oxford: OUP.

Williamson, O.E. (1996) *The Mechanisms of Governance*, Oxford University Press.

World Bank (2003) *World Development Report: Sustainable Development in a Dynamic World, Transforming Institutions, Growth, and Quality of Life*. The World Bank.

Источник:

Шелестюк Е.В. К вопросу о взаимовлиянии социальных институтов и культурных скриптов // *Лингвокультура университета : коллективная монография / под ред. С.А. Питиной. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. - С. 37-56.*